

ГЛАВА 1

Строительство оборонительного района велось и днем и ночью. Но к началу наступления фашистов на Новороссийск закончить работы и завершить оснащение всех огневых точек и позиций так и не удалось. Уже шли бои, а войска оборонительного района с помощью местных жителей продолжали строительные работы. Войска держались на передовом рубеже, который протянулся по левому берегу реки Кубань и находился в 40—60 километрах от города. Заканчивались работы на основном рубеже от Анапы до мыса Дооб. Много сил было брошено на создание тылового рубежа прикрытия на окраинах города.

Но силы были неравны. Враг бросил на город две пехотные и три кавалерийские дивизии. А все, чем располагало командование под Новороссийском, все, что удалось отвести с Тамани и Темрюка, не позволяло создать полноценной

обороны. Немцы превосходили обороняющихся по численности своих войск почти в четыре раза.

Мощным ударом со стороны Краснодара враг отеснил наши потрепанные в боях части к станице Крымской и за одни сутки вышел к передовым позициям Новороссийского оборонительного района. Несмотря на превосходство врага, войска 47-й армии и части морской пехоты остановили гитлеровцев, не дав им прорваться к городу. Но фашисты перебросили дополнительные силы с туапсинского направления и нанесли сокрушительный удар в районе Анапы, заставив наши войска отступить. В районе Темрюка, Варениковской и Красного Октября отрезанными от основных сил оказались части морской пехоты. Командование запретило отступать и приказывало держаться до последней возможности, сковывая силы врага.

Но в ночь на 10 сентября враг все же занял Новороссийск. К этому времени Новороссийская военно-морская база была уже переведена в Геленджик. Из самого города удалось частично эвакуировать оборудование и запасы готовой продукции нескольких заводов. В том числе чудом удалось эвакуировать оборудование и материалы Научно-исследовательского центра гидромеханики.

Заведующий «Лабораторией-28» профессор Горобецкий стоял посреди своего кабинета с черными от копоти руками и просматривал бумаги. Рядом стояло большое жестяное ведро, в котором горел огонь. Десятки документов, чертежей уже были брошены в костер. Кроме уже отправленных архивов, лабораторных образцов, оставался еще личный архив профессора и переписка. Все, что не поместится в черный портфель с двумя металлическими замками, должно сгореть. Нет уже возможности выносить и грузить коробки, ящики, не осталось машин и почти не осталось сотрудников в здании. Эдуард Васильевич Горобецкий, как капитан терпящего бедствие корабля, намеревался покинуть лабораторию последним. Убедившись, что врагу не останется ничего.

В здании еще были слышны чьи-то шаги, хлопали двери. Со звоном разбилось и полетело на улицу стекло. Канонада раздавалась уже совсем близко. За сегодняшний день дважды налетала вражеская авиация. Люди выбегали из домов и смотрели, как несколько советских истребителей пытались остановить армаду немецких бомбардировщиков.

Бомбы падали на окраине города и в порту. На дороге горела машина, где-то ржала ране-

ная лошадь. По улицам разбросаны вещи, поломанные повозки и тележки. Кто мог, уходил из города вместе с предприятиями, остальные пробирались к родным и близким южнее по побережью.

Но у многих такой возможности не было, они с тоской, злобой и страхом смотрели на эвакуирующихся. Никто не знал, что их ждет, когда отступят части Красной армии. Никто не знал, удастся ли удержать город.

Эдуард Васильевич знал, что по городу ползут самые страшные слухи. Немцы войдут и начнут расстреливать коммунистов и тех, кто поддерживал советскую власть.

Но не это сейчас волновало профессора Горобецкого. До сих пор не вернулся в бухту катер «Катран». Связь с судном прервалась пять часов назад. На борту кроме экипажа находились сотрудники лаборатории, проводившие испытания секретной торпеды, которую разрабатывал НИЦ гидромеханики, и в частности «Лаборатория-28». Самым главным было то, что лаборатория не могла вывезти экспериментальный образец, который находился на испытаниях в море.

— Лида! — снова крикнул профессор, не отрывая взгляда от бумаг, которые просматривал, сминал и бросал в огонь. — Лида!

— Да, Эдуард Васильевич! — Раскрасневшаяся от волнения, растрепанная молодая женщина вбежала в кабинет.

— Лида, где «Катран»? Что известно? Где, в конце концов, Белохвостов?

— Я здесь, — мягко отстранив секретаршу, в кабинет вошел грузный лысеющий мужчина. — Нет связи. У нас батарея села, а связисты уже уехали. Я попытался с моряками связаться, с комендантом порта, но там такое творится... Я же не могу открытым текстом запрашивать, не видел ли кто наш катер с секретным образцом на борту. Помогите, дело государственное...

— Николай Кондратьевич! — Профессор замер на месте и с недоумением посмотрел на сотрудника. — Вы соображаете, что вы говорите? У нас секретный образец черт знает где, а мы не можем ждать и должны уехать. Вы руководитель испытаний, вы должны все обо всем знать. Вы должны были еще пять часов назад поднять весь гарнизон, НКВД, моряков, черта лысого, но найти «Катран». Найти и эвакуировать изделие. Это наш последний образец, самый совершенный! Ничего не хочу слышать! Срочно найти «Катран»! Вы понимаете, что мы с вами под расстрел пойдем из-за потери образца?

Белохвостов закивал головой и попятился. Он еще никогда не видел заведующего лабораторией в таком состоянии. Профессор Горобецкий был человеком выдержанным, прекрасным ученым, хладнокровным интеллектуалом. Проводя эксперименты или готовя теоретическую базу, он всегда был сдержан, не опускался до бесконечных споров, всегда находил изящное научное и техническое решение. И вот сейчас... Белохвостов кивал, глядя на профессора со страхом. Как война людей меняет, как калечит...

Продолжая рвать и бросать в огонь бумаги, Горобецкий прислушивался к грохоту орудийных выстрелов, бесконечной дроби ружейной и пулеметной стрельбы. «Неужели враг войдет в город?»

Ученый не сразу услышал женский крик. Когда в кабинет вбежала Лида с сумасшедшими глазами, профессор, наверное, впервые в жизни испугался очень сильно. Эдуард Васильевич всегда умел находить выход из любого положения, из любой ситуации, всегда верил в силу власти, армии и милиции. Ничто не могло его вывести из равновесия, и вот...

— Что? — сорвавшись на фальцет, спросил Горобецкий.

— Белохвостов... там, — глотая слезы, секретарша бессмысленно тыкала рукой куда-то за свою спину.

— Да что случилось? — почти закричал профессор, догадываясь, что грянула еще одна беда.

— Николай Кондратьевич... Там... застрелился!

Горобецкий смотрел на женщину и не замечал, что из его похолодевших рук на пол валяются бумаги. Сейчас он осознавал только то, что за все теперь отвечать придется ему одному, его все бросили. И даже Белохвостов. Как он мог? В такую минуту...

Шелестова привезли на Лубянскую площадь в три часа ночи. Проезжая через затемненный город, глядя из окна машины на темную массу кремлевских стен, на пустой в ночное время Александровский сад, Максим думал о том, сколько еще впереди горя и страданий. Тяжелый 1941 год, полный непонимания и отчаяния, позади, но вот наступление фашистов приостановлено, вот уже отбросили их полчища от Москвы. Дорогой ценой, но отбросили. И как вздохнул народ! Ведь смогли же — целую армию осилили! И снова появилась надежда в глазах людей, вера появилась! Напряжением сил всего народа

и каждого человека в отдельности куется победа. Раскручивается тяжелый маховик, с невероятными усилиями раскручивается. И когда раскрутится, его уже будет не остановить.

Когда машина выехала на Лубянскую площадь, внутри шевельнулось что-то животное, холодное. Сразу нахлынули воспоминания о проведенных здесь месяцах, о допросах, о чувстве безысходности и отчаяния, которого он никому не показывал. Только сам Максим знал, чего ему стоило тогда выжить.

— Разрешите, товарищ старший майор? — Шелестов привычно вытянулся по стойке «смирно», хотя был в обычном гражданском костюме.

Платов, не поднимая головы, сделал жест рукой, приглашая войти и указывая на стул возле небольшого приставного столика. Максим помедлил, бросив взгляд по сторонам. Давно он не был в этом кабинете, но казалось, что здесь ничего не изменилось. Привычки сильны не только у простых людей, но даже у таких серьезных разведчиков, как Платов.

Стоит им только оказаться дома, в хорошо знакомой обстановке, как сразу начинают проявляться привычки. И настольная лампа с зеленым абажуром на столе, а ведь лампа другая, не та, что видел Шелестов в прошлом году. Но вот

зеленый цвет нравился хозяину кабинета, успокаивал его, помогал размышлять. И на окнах не видно собранных в гармошку белоснежных занавесок. Во всех кабинетах они есть, а в кабинете Платова нет. И даже сейчас, когда окна задернуты плотными шторами светомаскировки, Максим был уверен, что нет за ними белых занавесок. Не любил старший майор Платов легкомысленного белого цвета и различных кружавчиков и оборочек. Только зеленый абажур, только плотное зеленое сукно на столе и темно-коричневые тяжелые шторы на окнах. А на столе стакан в подстаканнике все с той же вмятиной на боку, которую хорошо помнил Шелестов.

— Приехали? — то ли констатировал, то ли спросил Платов. Скорее просто выдержал этим бессмысленным вопросом паузу, чтобы была возможность перестроиться на новую тему, оторваться от бумаг. — Поспать нам с вами сегодня не удастся. Видать, после войны отоспимся.

— Вам и сроки ее окончания известны? — не удержался от сарказма Шелестов.

— Сроки? — Платов посмотрел на собеседника задумчиво, без гнева за эту колкую вольность. — Можем подискутировать, опираясь на аналитику, и назвать с относительной точностью сроки окончания войны. Только я смысла

в этом не вижу. Никакой практической пользы. Тем более в рамках вашего предстоящего задания.

— Слушаю вас, — сухо ответил Шелестов и сложил руки на столе, готовясь запоминать и анализировать сведения, которые сейчас получит.

— Задание у вашей группы будет непростое, — откинувшись на спинку кресла, заговорил Платов. — Осложняется оно тем, что работать вам придется по ту сторону линии фронта.

Максим продолжал смотреть на своего начальника, не выражая никаких эмоций. Хотя в душе он был удивлен. Для таких заданий у закордонной разведки есть свои силы и средства. И большой опыт. Что это Платову взбрело в голову посылать за линию фронта свою группу? Или это приказ Лаврентия Павловича? Берия часто совершал поступки, на первый взгляд лишённые понятной логики. Но в конце концов оказывалось, что интуиция и холодный расчет всемогущего наркома никогда не подводили.

— Понимаю ваше удивление, Максим Андреевич, — кивнул Платов, правильно уловив сомнения командира группы. — Но давайте все же анализировать, а не использовать только одни чувства. Эмоции вредны даже взводному

командиру на передовой. А уж вам-то с вашим опытом, при вашей профессии, так вообще опускаться до элементарного удивления нехорошо. Я подобрал состав вашей группы таким образом, чтобы иметь под рукой специалистов разноплановых, опытных. Мы будем терять время и развивать эту тему?

— Ставьте задачу, — сухо ответил Шелестов, уязвленный тем, что Платов снова убедил его своей убойной логикой, наблюдательностью и умением работать с людьми.

— Тогда вникайте в ситуацию. — Платов поднялся из своего рабочего кресла и прошелся по кабинету, задумчиво глядя в пол. — Думаю, вы в курсе, что враг занял Новороссийск. Из города удалось вовремя и с минимальными потерями эвакуировать многое, что не должно было достаться гитлеровцам. Но кое-что все же осталось. И это «кое-что» вам нужно найти и уничтожить. Речь идет о секретной разработке Научно-исследовательского центра гидромеханики. Идея абсолютно новая, нестандартная. И эта идея не должна попасть в руки врага потому, что в Германии тоже есть ученые и они быстро поймут принцип и смогут воссоздать то, что не успели сделать мы.

— Что это? Катер? Двигатель?

— Торпеда. — Платов присел на край стола, покачивая носком сапога. — Торпеда, которая может развивать скорость до нескольких сотен километров в час. Она быстрее существующих типов в несколько раз. Уничтожить ее или свернуть ее с курса не сможет ни одно судно, даже если вовремя засечет всплытие подводной лодки или атаку торпедного катера. Понимаете? Подводники, чтобы наверняка поразить цель, вынуждены подходить к вражеским судам очень близко, а это риск — тебя догонят эсминцы и забросают глубинными бомбами.

— Но как это возможно? — удивился Шелестов.

— Как-то возможно, — развел руками Платов и снова начал расхаживать по кабинету. — Нам с вами не важна техническая сторона, нам важно найти экспериментальный образец и уничтожить его. Не дать возможности врагу познакомиться с технической идеей. Иначе мы рискуем остаться без военно-морского флота, а фашисты окажутся хозяевами морей. Торпеда затонула во время испытаний где-то в Темрюкском заливе. Катер, на котором проводились испытания торпеды, затонул во время налета вражеской авиации. Так что вам предстоит не просто техническая работа по взрыву объекта —

вам его еще предстоит найти. Мы не имеем сейчас ни одного свидетеля, который мог бы указать место, где затонула торпеда. Она или исчезла во время пуска, или затонула вместе с катером. Этого мы не знаем. Когда наши войска отступали, под Темрюком осталась бригада морской пехоты. Они дрались в окружении, обеспечивая поиски катера. Катер не нашли. Командование и разведуправление фронта приняло единственно возможное решение, хоть как-то гарантирующее уничтожение торпеды. Они отбомбили предполагаемые участки акватории. Так что, Максим Андреевич, имейте в виду, что бригада морской пехоты там полегла. Конечно, не стоит говорить, что из-за торпеды — они бились с врагом, уничтожали его, сковывали силы фашистов, давая возможность нашим войскам перегруппироваться, давали возможность эвакуировать из города все важное и ценное.

— Я понял вас, Петр Анатольевич. И ответственность оцениваю реально. Мы имеем представления хоть о каких-то границах зоны поиска?

— Боюсь, что нет. Вам предстоит сначала искать людей, владеющих информацией о торпедо, а уж потом, на основании полученных сведений, искать ее саму.

Михаил Сосновский в тренировочных штанах и майке не спеша бежал по дорожке стадиона бывшего пионерского лагеря «Зорька». Здесь размещалась база, на которой формировались и готовились разведывательно-диверсионные группы для заброски в тыл врага. После боев под Москвой, когда Отдельная мотострелковая бригада особого назначения войск НКВД была брошена на передовую, бойцы этого подразделения выполнили множество успешных операций в тылу врага. Тогда подразделения бригады, личный состав которой набирался из спортсменов и специалистов в самых разных областях, ставили минно-взрывные заграждения и проводили подрывные работы перед наступающим противником на подступах к Москве и в полосе Западного фронта. Тогда же, зимой 1941/42 года, мобильные лыжные отряды ОМСБОН провели множество успешных рейдов в ближнем тылу противника. С января 1942 года, когда бригаду переподчинили 4-му «диверсионному» Управлению НКВД, основной задачей соединения стала подготовка отрядов для действий в глубоком тылу противника. Теперь оно находилось в непосредственном подчинении у Берии. Уже к началу осени 1942 года в тыл врага было заброшено 58 таких отрядов. Как прави-

ло, они превращались затем в крупные партизанские отряды.

Сосновский знал это, но сейчас ему хотелось со стороны посмотреть на человека, который войдет в их группу для заброски в Новороссийск. Самое правильное впечатление о незнакомце создается, когда он не знает о твоём внимании, когда он не играет, не пытается казаться лучше, чем есть на самом деле. Каждый человек неосознанно при общении с новым человеком пытается играть. Такова наша природа.

Михаил бежал по дорожке, глядя, как тренируются бойцы. Силовая тренировка, гимнастическая. У того высокого мужчины специальная тренировка: хорошо двигается. Сразу видно, что боксер. А этот — лыжник — руками работает. Трудно лыжнику летом форму поддерживать. А вот это пловчиха!

Молодая женщина лет двадцати с небольшим в тренировочном синем костюме с вылинявшей надписью «СССР» на спине поднималась и сбегала вниз по деревянной скрипучей лестнице, ведущей на верхний ярус трибун. Потом она стала подниматься, прыгая на одной ноге, затем сменила ногу. Потом растяжка — она положила одну согнутую в колене ногу на край парапета. Плечи у женщины были сильные, ши-

рокие. Короткие русые волосы, серые пронзительные глаза, упрямые тонкие губы. Работает на тренировке серьезно, без слабины. Привычка, закалка серьезной спортсменки.

— Уф, — Сосновский подбежал к женщине и сразу сбавил шаг. — Хорошо, что сегодня не так жарко.

Спортсменка покосилась на общительного незнакомца и снова начала делать наклоны. Сосновский улыбнулся. «А ведь она чуть дольше, чем надо, задержала на мне взгляд», — подумал он. Так женщины смотрят, если мужчина понравился, если в нем она сразу увидела что-то привлекательное. Кому-то нравятся утонченные или правильные черты лица, кому-то внешняя харизма, кто-то видит глубину души. «А что, — с иронией подумал Сосновский, — я харизматичный, привлекательный и довольно душевный мужчина».

— Сентябрь в этом году жарковат, не находите? — Сосновский сделал несколько взмахов руками, потом перешел к упражнениям по восстановлению дыхания, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Вы кто? — Женщина выпрямилась и пристально посмотрела Михаилу в глаза. — Вам что-то от меня нужно?

— Ну почему сразу что-то нужно? — постарался как можно искреннее «возмутиться» Сосновский. — Просто мы с вами в одном месте, в одно время занимаемся одним делом. Почему бы не переброситься парой фраз?

— Чем вы тут занимались, я поняла. Видела, — с иронией в голосе ответила спортсменка.

— Нагрузку давал маленькую? — засмеялся он. — Или бежал нетехнично? А вдруг я после ранения и мне нельзя резко увеличивать нагрузку? Если мне можно начинать с легких упражнений? Хотите проверить? Давайте четырехсотметровку с высокого старта, а там посмотрим, кто у нас в форме, а кто нет?

— А вы не рассыпетесь по дороге? — наконец улыбнулась собеседница. — Как вы сюда попали? И кто вы?

— Что вы все «кто да кто»! — сокрушенно заметил Сосновский. — Вы просто подумайте, что посторонний человек сюда попасть не может, празднующихся здесь нет. Значит? Значит, я один из ваших!

— Из каких наших? — мгновенно отреагировала женщина.

— Из спортсменов! — уверенно ответил Михаил. — Вы всегда так неприветливы с мужчинами, Мария?

— Вы меня знаете? — Женщина стала смотреть на Михаила более внимательно. — Мы знакомы?

— Почему сразу знакомы? — улыбнулся Сосновский как можно доброжелательнее. — Кто же не знает мастера спорта международного класса олимпийского призера Марию Селиверстову? Я помню ваш знаменитый заплыв кролем, когда вы французскую соперницу оставили позади, а ей все знатоки и журналисты прочили победу. А вы ее как школьницу обошли!

— Вы там были? — Взгляд Марии потеплел. В нем даже мелькнула легкая грусть. И о довоенном счастливом прошлом, и о былых победах. О полной и насыщенной спортивной жизни, которая осталась далеко позади.

— Знаете, Маша. — Сосновский уселся на лавку и положил руки на ограждение. — Мир спорта так же несовершенен, как и любой другой мир, созданный людьми. Новое олимпийское движение молодо и неразрывно связано с политикой. И так, я думаю, будет всегда. Но мы ничего толком не знаем и о древних Олимпийских играх в Греции. Какой смысл они вкладывали в эти соревнования, для чего проводили? Я далек от гуманистической оценки этих мероприятий, но смотреть на здоровое соперничество приятно.

— А гуманизм должен быть у каждого в душе, — возразила Селиверстова. — Вот тогда он будет присутствовать и довлеть и на соревнованиях, и в политике, и на производстве. Все ведь идет от человека!

— А вы гуманист, Мария! — покачал головой Михаил. — Не верю я в ваш гуманизм. Спортсмен такого уровня гуманистом быть не может. В большом спорте побеждают сила воли, напор и стремление к победе над другими.

— Странно вы рассуждаете, — усмехнулась Селиверстова. — Как вас, кстати, зовут?

— Михаил, — представился Сосновский. — И что же вам показалось странным в моих словах?

— А все! Вы знаете, чья заслуга в том, что Олимпийские игры были возрождены в конце прошлого века?

— Вы имеете в виду Пьера де Кубертена?

— Да, именно! Не случайно человеком, породившим олимпийское движение, стал историк и писатель. И вы говорите, что в этом нет гуманизма. И вообще, мне кажется, что вы начали этот разговор, чтобы произвести на меня впечатление? Поумничать решили, Михаил?

— Нет, скорее наоборот. — Сосновский стал серьезен. — Я не пытался произвести на вас впе-

чатление и тем более умничать. Я хотел понять вас, увидеть вас такой, какая вы есть. Я же неожиданно к вам подошел, а в ситуации человек, как правило, не успевает надеть маску и остается самим собой. Нам с вами работать предстоит, Мария Селиверстова.

— Работать? — Женщина насторожилась. — У меня будет задание? Но почему вот так? Не вызвали в штаб, не...

— А потому, Маша, — вздохнул Михаил, — что в нашей работе и вообще на войне редко бывает так, как нам хочется, или так, как мы привыкли. Война диктует свои правила, работа в разведке тоже. Отвыкайте от шаблонов и начинайте привыкать к импровизации в каждом шаге. На привычках сгорает много разведчиков. И еще больше на стандартности мышления. Учитесь мыслить нестандартно.

— Вы мой командир?

— Нет, я такой же член группы, как и вы. Мне приказано познакомиться с вами и подготовиться к работе, объяснить суть задания. И еще, мы с вами вместе переходим линию фронта. И не беспокойтесь, я прекрасно знаю, что такое субординация. Разумеется, мы сейчас здесь не будем ничего обсуждать, разве что погоду. Официальный приказ вы получите от своего ко-

мандования, как и положено по уставу. А мне просто захотелось узнать вас немного в неофициальной обстановке.

Из-за трибун показался молодой солдат в очках с толстыми стеклами. Шурясь на солнце и приложив руку «kozyрьком» к глазам, он нашел Марию и Сосновского и побежал к ним неумелой трусцой.

— Товарищ Селиверстова, вас срочно к командиру бригады! — выпалил боец.

Михаил многозначительно развел руками: ну вот, о чем я вам и говорил.

Стиснув зубы, собрав в кулак свою волю, Шелестов спускался к камерам внутренней тюрьмы на Лубянке. В кабинетах арестованных допрашивать было запрещено. Для этого была оборудована комната допросов. Это Максим тоже хорошо помнил. Приказать доставить к нему в кабинет арестованного мог только Берия, иногда Платов, но и они этого, насколько знал Шелестов, тоже не делали. Психологическое давление должно быть постоянным. Сколько допросов прошел сам Шелестов, сколько их вынесли члены его группы: Буторин, Коган, Сосновский...

«Ты разведчик, соберись», — требовал от себя Максим, понимая, что сейчас нужна ясная

холодная голова. От того, с какими данными группа перейдет линию фронта, насколько полученная информация будет полной и точной, зависит не просто успех операции, но и жизнь членов группы. Сейчас война, требуется особая бдительность, необходима самая тщательная проверка всех и каждого. Самое малое упущение, слабость может стоить десятков и сотен жизней разведчиков и тысяч жизней солдат на передовой. Нет права сейчас на жалость и сlundтуйство. Каждый проступок будет иметь последствия. Невинные все равно будут оправданы, но это еще нужно доказать.

Эти мысли помогали сохранять спокойствие и хладнокровие, но стоило перенести их на себя, на то, что испытано на собственной шкуре, — и хладнокровия уже не хватало.

Сопровождавший Шелестова сержант госбезопасности остановился возле двери допросной комнаты.

— Если будет нужна помощь или когда закончите, нажмите кнопку под крышкой стола.

Максим кивнул и вошел.

Арестованный сидел на табурете посреди комнаты. До боли знакомая картина. Человек в изодранной окровавленной рубахе сидит на стуле прямо и смотрит точно перед собой. Так

приказано. Руки скованы за спиной наручниками. За столом охранник, вскочивший сразу, как только Шелестов вошел.

Сколько лет этому человеку? Изможден, избит, седина в волосах. По седине возраст здесь не определить, здесь и молодые седеют. Кивнув охраннику, чтобы тот вышел и ждал за дверью, Максим прошел к столу.

Теперь он смог внимательнее рассмотреть арестованного. Интеллигентный человек с твердыми, уверенными складками возле губ. Сейчас лицо этого человека выражало обиду и боль. Это, скорее, пародия на маску уверенности. Тем более что свет настольной лампы направлен ему прямо в лицо. Вот так. По-другому у нас не умеют. Опять ссылаться на войну, что иначе нельзя, что «лес рубят — щепки летят»... Так можно думать и рассуждать тому, кто сам не побывал в роли «щепки». Шелестов выключил лампу.

— Профессор Горобецкий, — произнес Шелестов. — Заведующий «Лабораторией-28» Научно-исследовательского центра гидромеханики. Меня зовут Максим Андреевич. Мне нужно с вами о многом поговорить.

— Вы мой новый следователь? — спросил профессор хриплым голосом. — Разве в моем деле что-то еще непонятно органам? Я вино-

вен, я готов понести наказание. Виновен лишь я один. Я отвечал за лабораторию и должен был все контролировать, а не перекладывать ответственность на чужие плечи.

— Эдуард Васильевич. — Шелестов увидел на столе ключ от наручников, встал и подошел к арестованному. — Поймите, что сейчас важнее не ваше раскаяние и не самобичевание. Сейчас важнее всего найти эту вашу злосчастную торпеду. Найти и уничтожить. Уж вы-то лучше меня понимаете, что, попади она в руки врага, и идея ваша уплывет и возродится во вражеском изделии, и тогда страшно будет всему миру. Вы же это понимаете?

— Понимаю. — Профессор опустил голову и стал растирать запястья со следами наручников. — Но других следователей интересовало мое признание в предательстве, на кого я работал и за сколько продал Родину.

— А я не следователь, я человек, который отправляется искать вашу торпеду. И вы мне должны помочь.

— Вы? — Городецкий поднял взгляд на Шелестова. — Туда?

— Туда, — ободряюще улыбнулся Максим. — Давайте вместе вспоминать все поминутно, в деталях. Мне нужен максимум

информации. Ведь в Новороссийске сейчас фашисты.

— Да. — Лицо профессора впервые искривилось от душевной боли. — Сдали город, не удержали. Но я думаю, что торпеду можно найти. Понимаете, если пуска не было, а его не должно было быть, потому что мы уже знали, что фашисты прорвались, что они подходят к Анапе... И бомбили все время. Не до испытаний было. И «Катран» должен был вернуться. Вы знаете, что такое эта новая торпеда, в чем ее хитрость?

— Вот вы мне это и расскажете. Я должен знать не меньше вашего, профессор.

— Мы разработали условия, в которых изделие может развивать даже в водной плотной среде большую скорость. Мы нашли способ снизить сопротивление воды. Торпеда движется в паровой подушке — кавитационном пузыре. Как бы вам это проще объяснить. Для этого в носовой части установлен парогенератор, он выделяет большое количество пузырьков воздуха. Они как бы обволакивают торпеду, ее носовую часть. Понимаете, она сама себе создает на пути область пониженного сопротивления. И развивает колоссальную скорость для водной среды! Это все просто. Я удивляюсь, почему никто раньше до этого не додумался. Не надо разрезать плотную

водную среду на пути, не надо изобретать форму капли для носовой части. Нужно разрежение среды, вот и все.

— Хм, действительно просто. — Шелестов покачал головой. — Но думаю, что самое сложное — разработать этот самый парогенератор в носовой части торпеды и заставить его создавать ровную разреженную среду.

— Так и есть, — кивнул Горобецкий. — К сожалению, застрелился руководитель испытаний Белохвостов. Смалодушничал, испугался ответственности. Теперь не восстановить того, что он знал о последних минутах «Катрана».

— «Катран» — это название вашей торпеды?

— Нет, это наш катер, фелюга обычная рыбацкая. Просто на ней установлены мощные двигатели и кое-какое оборудование. А торпеда именовалась по документам и в формуляре как изделие № 28.

— Кто капитан вашего «Катрана»? Сколько человек экипажа? Кто из сотрудников был на борту катера?

Шелестов задавал вопросы, выстраивая в голове схему из имен и фамилий. Кто имел отношение, кто знал, кто был с изделием до последнего. Искать придется всех. К сожалению, оперативники не смогли найти всех сотрудни-

ков, выбравшихся из Новороссийска накануне оккупации города фашистами. Кто-то не доехал и пропал без вести, кто-то погиб под бомбами. А может, кто-то вообще не смог выехать? Но самое главное — где катер? Может, капитан увел его на юг, к Геленджику? А может, не успел и спрятал катер и изделие в лиманах?

Борис Коган устало потер руками лицо. Было два часа ночи, уже выпито несколько чашек кофе и выкурено неисчислимое количество папирос, отчего во рту неимоверно горчило. Лейтенант госбезопасности Лосев старательно списывал очередной лист бумаги. И никуда от этой старательности было не деться. Если бы оперативник, курировавший в Новороссийске Научно-исследовательский центр гидромеханики, был и раньше таким же старательным, многих бед удалось бы избежать. Хорошо хоть начальство на Лосева не вешало «всех собак». Недалекий, в прошлом деревенский парень, который по разнарядке пришел в органы, тянет свою лямку не спеша, старательно и в меру своей дисциплинированности. Но ни на шаг в сторону и без всякой инициативы.

— Хорошо, — просмотрев еще один исписанный лист, Коган взглянул на лейтенанта.—

«Подозрений не вызывал», «не замечен ни в чем предосудительном», «лояльность к власти». Но все же мне хотелось бы без письменных отчетов услышать от вас мнение, почему застрелился Белохвостов? Он неврастеник, трусливый человек, он так испугался ответственности, что его посадят?

— Я не знаю, Борис Михайлович, — честно ответил Лосев. — Чужая душа — потемки!

— За честный ответ спасибо. Еще не хватало, чтобы вы выдумывали причины. А насчет чужой души это вы зря. Это часть вашей работы — знать, что за душой у тех людей, кто занят такой важной работой и связан с государственной тайной.

— Я всех проверял, — недоуменно возразил лейтенант. — Что положено, я делал: запросы оформлял, анкеты отправлял. А в остальном... я же не доктор! Морально никто не разлагался, все вели приличный образ жизни.

— Ну, ясно, — со вздохом ответил Коган. — Не психолог и не психиатр. И все же, Аркадий Сергеевич, давайте думать и соображать о возможных причинах самоубийства. Насколько я понял, Белохвостов был вдовец?

— У него жена умерла давно. Еще до меня. И сам Белохвостов в центре еще не работал

тогда. Где-то лет восемь назад, кажется, умерла. Женщины у него вроде бы не было. Коллектив небольшой. Если бы с кем закрутил, я бы знал.

— Это если в коллективе. А если за пределами учреждения у него с кем-то были отношения? Не знаете? Ладно.

— У него в Новороссийске живет брат жены. В личном деле есть сведения. Белохвостов указал, что поддерживает с ним отношения. — Лосев полистал личное дело ученого и показал пальцем на соответствующую строку.

— Это уже интересно, — согласился Коган, переписывая данные родственника. — И теперь последний вопрос: кто был свидетелем самоубийства Белохвостова? Кто находился в этот момент в соседних помещениях? Ведь лаборатория фактически на тот момент была эвакуирована?

— Я не знаю, — смутился лейтенант. — Я уехал со второй партией, когда отправляли секретный архив. Меня в здании... и в Новороссийске не было тогда.

— Сколько сотрудников НКВД сопровождало архив? — Коган с интересом посмотрел на Лосева.

— Не знаю, наверное, несколько человек. Я сдал архив под охрану и...